

Дихотомия Восток — Запад в исторической ретроспективе

В.А. Козлов¹, Н.П. Коробкова²

¹ Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The East-West Dichotomy in Historical Perspective

V.A. Kozlov¹, N.P. Korobkova²

¹ Altai State Agricultural University (Barnaul, Russia)

² Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируются исторический ход формирования категорий Восток и Запад, их актуальность, возросшая в силу образования серьезных заторов в процессе глобализации на сегодняшний день, интерпретация в научной литературе. Фиксируется историческая преемственность в идентификации дихотомии, расшифровки историко-культурных кодов Востока и Запада. Критикуются попытки игнорировать их качественные различия и отнести возникновение дихотомии («Великую дивергенцию») к XIX столетию, жестко связав ее появление с промышленным переворотом на Западе («калифорнийская школа новой экономической истории»). Подчеркивается, что ее трактовка, близкая к современной, связана с эпохой Великих географических открытий, в ходе которых Запад через открытие Востока идентифицировал собственную уникальность. Вскрываются корни европоцентристского мировидения, прослеживаются процессы его генезиса и эволюции, формирование самой структуры общественных наук, возникновение ориенталистики как целостного направления научных исследований народов Востока. Отмечается непреходящая значимость теоретического востоковедения.

Ключевые слова: Восток, Запад, востоковедение, дихотомия, цивилизация, история, марксизм, европоцентризм, экономика, миросистема.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-36

Упрощенное понимание текущей глобализации как процесса стирания всех региональных различий дало новый толчок давним стараниям усреднить, унифицировать прошлое человечества, объявив фантомами, дезавуировав отдельные категории общественного знания. К их числу относятся такие понятия, как Восток и Запад, «пол-

The article analyzes the historical course of the formation of the categories “East” and “West”, their interpretation in the scientific literature, along with their relevance increasing due to the formation of serious congestion in the contemporary process of globalization. The authors record historical continuity in the identification of the dichotomy and the transcripts of historical and cultural codes of the East and the West. Ignorance of the qualitative differences and various attempts to attribute the appearance of the dichotomy (“The Great Divergence”) to the 19th century rigidly linking its appearance to the industrial revolution in the West (“The California School of the New Economic History”) are criticized in the article. The authors emphasize that its interpretation, close to the modern one, is associated with the Age of Discovery when the West could identify its own uniqueness through the opening of the East. The roots of the Eurocentric view of the world are analyzed; the processes of its genesis and evolution, the formation of the structure of the social sciences, and the emergence of Orientalism as a holistic direction of studying the East are traced by the authors. The continuing importance of theoretical Orientalism is also noted in the article.

Key words: East, West, Orientalism, dichotomy, civilization, history, Marxism, Eurocentrism, economy, world-system.

зучая» девальвация которых подрывает легитимность самого существования востоковедения, полтора столетия обогащавшего теорию и практику исторического познания. Предпринятый нами анализ происхождения дихотомии, сложившихся традиций ее толкования и практики использования категорий Запад, Восток в современной науч-

ной литературе ставит целью выяснить, насколько обоснованы попытки нынешних открытых и скрытых «ревизионистов» дезавуировать данные понятия путем подчеркивания их условности.

Деление ойкумены на Запад и Восток, имея довольно длительную историю, в последние десятилетия действительно становится все более проблематичным, усиливая соблазн вообще отказать ему в праве на существование. Выбранная нами альтернатива предусматривает определенный возврат к узловым вопросам методологии соответствующих исследований, ревизию категориального аппарата. Непосредственным стимулом к этому стало знакомство с творчеством «калифорнийской школы (новой) экономической истории», поставившей во главу угла как раз сопоставление развития Запада и Востока, различаемых ее представителями сугубо по территориальному принципу [1–3].

Между тем разделение на Запад и Восток не тождественно противопоставлению Европы и Азии (с Африкой или без нее) или стран, в них расположенных. В последнем случае проблема сопоставимости отчасти объективируется цифровыми данными и со стороны выглядит как чисто техническая. Те или иные различия в методологии отдельных исследователей в кропотливой статистической работе часто вообще не всплывают наружу или не представляются существенными, трансформируясь в разнообразие конкретных методик историко-статистических измерений, обеспечивающих определенную вариативность конечных результатов и нюансов в их интерпретации.

Однако дихотомия Восток — Запад отражает в первую очередь глубокие качественные различия — политические, социокультурные, религиозные, ментальные и пр. Исторически устойчивая совокупность их проявлений в мейнстриме современной научной литературы фиксируется в понятиях культура или *цивилизация*. Различия между двумя антропогенными полюсами — Востоком и Западом также считаются цивилизационными. Преимущественно «по умолчанию» за Востоком закрепились такие цивилизационные характеристики, как деспотизм и патернализм, преобладание общинного начала — коллективизм и прочие свидетельства приверженности к «доброму старому», наследуемому еще с первобытных времен — к традиционализму. Атрибутами Запада стали считаться полярно противоположные качества: индивидуализм, рационализм, верховенство закона, гражданственность, уважение к «естественным правам человека» и т. п., возникшие по большей части как продукт социального новаторства в специфических условиях Запада.

Цивилизационные различия по определению недоступны обследованию посредством универсализированного аппарата историко-экономической статистики. Их изучение — это прежде всего прерогатива культурологии в самом широком понимании сути этого научного направления, подразумевающего не только фиксацию вчерашнего и сегодняшнего разнообразия культур и цивилизаций. К сожалению, именно на данном уровне научный анализ часто подменяется подборкой образных уподоблений. Какое «рациональное зерно» можно извлечь, к примеру, из глубокомысленного сравнения различий Востока и Запада с различиями между понятиями Инь и Янь или левым и правым полушариями головного мозга, кроме того, что они являются чисто умозрительными, спекулятивными конструкциями, вообще не имеющими земной опоры [4]. С одной стороны, такое бесперспективное соревнование в художественном слове с Киплингом является неизбежным результатом запредельного абстрагирования от реального исторического контекста. С другой стороны, подобный иррационализм в определении предмета оборачивается определенным агностицизмом в его историческом исследовании. Однако количественная несоизмеримость Запада и Востока вовсе не означает их исторической несопоставимости, тем более их изначальной цивилизационной несовместимости.

Непреодолимая зависимость историка от окружающей его реальности, исключая даже теоретически возможность полного преодоления субъективизма в реконструкциях прошлого, вместе с тем почти гарантирует совпадение внутрицехового интереса к методологии и методике исследований с общими потребностями сегодняшнего дня. В последние полвека важнейшими обстоятельствами, препятствующими как забвению категорий Восток и Запад, так и их окостенению, является прежде всего беспрецедентный хозяйственный подъем Восточной и Юго-Восточной Азии, связанный с перемещением мирового центра экономической активности из Атлантики в гигантский Тихоокеанский бассейн.

Сама по себе смена местонахождения центра мироэкономики (если воспользоваться терминологией Ф. Броделя [5]) или места глобального средоточия капиталистического накопления (на что упирает Д. Арриги [6]) происходила уже не один раз. Уникальный раннекапиталистический анклав в средневековой Европе, перед тем как тихо скончаться в Северной Италии, предварительно выбросил свои щупальца на Атлантическое побережье. Это позволило во многом все той же, космополитической по своей сути, олигархии (Генуи прежде других) приобщиться к ресурсам «обеих Индий», но не предотвратило дальнейший дрейф централь-

ной капиталистической штаб-квартиры в западном направлении: сначала в Лондон, потом в Нью-Йорк.

Нынешний тренд, скорее всего, ведет к тому, что Китай и Индия, т.е. те страны, которые всегда и бесспорно олицетворяли Восток, выступают в качестве главных разрушителей когда-то навязанных им извне «правил игры» и соучредителями нового мирового порядка. Успешность же адаптации к последнему будет определяться, в том числе и эффективностью долгосрочного прогнозирования, зависящего, в свою очередь, от адекватности теоретической базы, категориального аппарата, являющихся и условием, и конечным продуктом научного раскодирования реального исторического процесса.

Необходимость сохранения биполярного ракурса мировидения, использования категорий Восток и Запад в анализе ряда прошлых и текущих мировых процессов в прямой и открытой форме до последнего времени отрицалась довольно редко. Значительно чаще проблема просто игнорировалась прежде всего при выдвигании универсальных схем мирового исторического процесса. Начало этому положил еще К. Маркс, не нашедший места зафиксированной им восточной специфике («азиатскому способу производства») [7–8] на предложенной им же иерархической лестнице сменяющихся способов производства. Однако в принципе формационная теория, как показали дискуссии прошлого столетия вокруг «азиатского способа производства», не исключает сосуществование, взаимообогащение «вертикально-прогрессивного» и «горизонтально-цивилизационного» измерений социума [9].

В наши дни марксизм (неомарксизм) выказывает принципиальную способность к абсорбции новейших достижений всего спектра гуманитарных и социальных наук. Примером прекрасных исторических исследований, затрагивающих в том числе «западно-восточную» проблематику, могут служить труды П. Андерсона, Э. Хобсбаума, Б. Кагарлицкого и многих других авторов, по праву считающих себя продолжателями марксистской традиции [10–12]. В то же время выдвигание на уровень общей научной парадигмы теорий «аграрного — индустриального — постиндустриального» обществ, «стадий экономического роста» и прочих конструкций, пригодных к употреблению только в рамках тех дискурсов, из которых они вышли, способствует как раз консервации цеховой разобщенности гуманитарного знания.

К сожалению, именно такой вывод напрашивается вследствие осмысления творчества представителей упомянутой выше «калифорнийской школы (новой) экономической истории», продемонстрировавших свою солидарность в 1990–2000-е гг. подчеркнутым отрицанием существования различий

между Западом и Востоком вплоть до эпохи торжества индустриализма в XIX столетии. Этот постулат «калифорнийцев» во многом детерминирован абсолютизацией экономико-статистического начала, необоснованным отказом от традиционной интерпретации дихотомии.

Как уже отмечалось, последней присущее определенное дистанционирование от точных географических координат, признание Запада и Востока в первую очередь феноменами культуры. Дихотомия характеризует и *глобальность*, в которой Запад противопоставляется остальному миру (Востоку), и *тотальность* параметров сравнения. Отсюда понятно, что самовосхваление античных греков и римлян перед ближайшими соседями, так же, как и противостояние Креста и Полумесяца, локализованные в том же Средиземноморье, составляют лишь предысторию дихотомии. Ее подлинная история не могла начаться ранее того, как дальними океаническими путешествиями европейцы «прорубили окно» в Южную и Юго-Восточную Азию в эпоху Великих географических открытий.

Процесс рождения Запада как такового имел два аспекта. С одной стороны, Великие географические открытия резко ускорили вызревание капитализма в Европе, обретение уникальности. С другой стороны, параллельно, но с определенным отставанием происходило осознание этой объективно возрастающей разницы в общественном сознании — складывание биполярной картины мира. Постепенно, по мере расширения заокеанской торговой и военно-политической экспансии, у европейцев нарастало ощущение не только своего качественного отличия, но и качественного превосходства своей цивилизации. Последнего не было, потому что ему не откуда было взяться в начале Новой истории, но оно уже вполне оформилось к концу XVIII столетия.

В этом промежутке интеллектуальная элита только нащупывала европейскую идентичность, будучи озабоченной, главным образом, поиском идеальных моделей общественного устройства или путями совершенствования духовного мира людей. Страны Востока, прежде всего — Китай, наделялись такими характеристиками, положительными в одних случаях и отрицательными в других, которые в максимальной степени способствовали убедительности спекулятивных конструкций. Продолжая эту традицию, знаменосцы Просвещения апеллировали к историко-культурному наследию конкретных регионов Азии, не создавая обобщенный образ Востока.

«Усреднение» Востока происходило в сфере массового, обыденного сознания. В этом стихийном формировании образа Востока как антипода

привычного для европейского обывателя мироустройства роль кабинетных ученых была глубоко вторичной. Его непосредственными источниками являлись личные ощущения путешественников, купцов, миссионеров, завоевателей. Именно в этой среде успешность экспансии сопровождалась ростом ощущений собственного превосходства над не похожими на них «туземцами», в каком бы месте ни проживали последние.

Парадоксом выглядит то, что в наибольшей мере обыденному восприятию Востока соответствовал взгляд на него самого великого представителя самой абстрактной из наук — Гегеля. С одной стороны, именно благодаря Гегелю Восток и Запад стали философскими категориями, символами альтернативности путей мирового развития, качественно различными явлениями цивилизационного плана. В то же время философ не скрывал предпочтения, которое он отдавал динамичному, прогрессивному Западу в сравнении с «застойным» и деспотичным Востоком. Удивительно емко ему удалось уловить все существовавшие противоречивые оттенки восприятия Востока, связав их в одну цельную конструкцию, на столетия ставшую парадигмой европейской ориенталистики.

К середине XIX в. превосходство Запада становится абсолютным настолько, насколько механизированные предприятия подавили дофабричные формы промышленной деятельности, парусный флот обесценил флот парусный, а железнодорожный транспорт подмял под себя гужевой. Выросший практически на глазах у современников дисбаланс в экономической и военно-политической мощи Запада и Востока конвертировался в установление прямого колониального (полуколониального) диктата в практике их отношений. В теоретической же сфере идея европейского превосходства трансформировалась в идеологию европоцентризма, сопровождающую данную практику. Европоцентризм означал такое мировидение, при котором история Запада рассматривалась как магистральный путь всего человечества, на который после более-менее продолжительных блужданий должны рано или поздно выйти (или погибнуть) и все неевропейские народы.

Европоцентризм, обращенный в прошлое, вполне закономерно старался отыскать корни европейской идентичности в более глубоких слоях истории. Античность почти идеально служила этой цели, благо теоретики Ренессанса оставили после себя немало разработок, доказывавших нетленность ее гуманистических ценностей. Европоцентризм, обращенный в будущее, столь же закономерно легитимировал историческую миссию

Запада по выведению заблудших народов на столбовую дорожку прогресса. Колониальное управление или полуколониальная опека смотрелись как эффективные способы приобщения туземцев к Цивилизации («несите бремя белых»).

Европоцентризм одновременно носил черты и научной доктрины, и идеологии, и специфической ментальности, плавно отправляющей исследовательскую мысль в прочерченное русло. Тотальный масштаб распространения европоцентрического мировидения и его завидная живучесть объясняются одновременным воздействием ряда обстоятельств. Прежде всего тем, что в той или иной степени он отражал интересы практически всех социальных групп Запада, имевших свою толику благ от колониальной экспансии. Каркас европоцентризма оказался достаточно гибким для того, чтобы создавать симбиозы со всеми последующими движениями социальной мысли Запада, как правого, откровенно расистского, так и левого, «интернационалистского», толка.

Европоцентризм выразился и в самой сложившейся в XIX в. структуре гуманитарных наук, в которой Запад изучался отдельным образом, посредством отдельных гуманитарных дисциплин, формально не интегрированных в единое целое и не породивших «западноведения», а постижение Востока такой дифференциации не предполагало, и его результаты сразу же укладывались в общее русло *востоковедения*. Впрочем, такая форма вчерашнего пренебрежения обернулась целостностью в изучении традиционных обществ, рождением теоретического востоковедения, адекватность которого подтверждена самими успехами в колонизации Востока. Жаль, что это проигнорировал Э. Саид, подвергший ориенталистику односторонне жесткой критике как орудия колониализма и не пожелавший рассматривать ее реальные успехи в научном постижении Востока [13]. Современные же китайцы сумели отделить зерна от плевел, сделав западную ориенталистику (дунфансюэ) и китаеведение (ханьсюэ) составной частью собственного научного самопознания, «национальной науки» (госюэ) [14, с. 500–509].

Окрашенная европоцентризмом дихотомия Восток — Запад не подвергалась сомнению на протяжении почти всего XX столетия, однако по его ходу градус европоцентризма последовательно снижался. Закономерно, что интерес к дихотомии скачкообразно возрастал, как правило, по мере разворачивания или завершения тех или иных ярко очерченных глобальных процессов (колонизация — деколонизация) и катаклизмов (мировые и масштабные региональные войны). И каждый такой скачок сопровождался

изменениями в доминирующей характеристике ее компонентов. Иными словами, коррекция категорий и упомянутое снижение градуса в их противопоставлении до сих пор стимулировалась не столько внутренней логикой совершенствования научного инструментария, сколько внешними обстоятельствами, являясь более или менее адекватным отражением очередной смены фокуса политического внимания. Очевидные успехи ряда азиатских стран к концу прошедшего столетия косвенно способствовали проявлению большей сдержанности в оценках соотношения сил между ними и Западом в прединдустриальную эпоху и, несомненно, благосклонному приему новых оценок научно-историческим сообществом.

Результатом кропотливых подсчетов патриарха макроэкономической истории Э. Мэддисона, В.А. Мельянцева, других специалистов стало признание для этой эпохи определенного паритета между Европой и Азией по ключевым параме-

трам экономического развития [15–16]. Причем этот паритет был *достигнут* более динамичным развитием Западной Европы, ускоренно преодолевшей свое отставание от Востока в течение XVI–XVIII столетий. Поэтому итоговый вывод «калифорнийцев» об отсутствии различий между Востоком и Западом в доиндустриальный период не только не учитывает качественную разницу между двумя цивилизационными полюсами, но и не подтверждается никем не опровергнутыми данными и в рамках собственно экономико-статистического дискурса.

Таким образом, ретроспективный анализ дихотомии, использование категорий Восток и Запад в мейнстриме исторических и культурологических исследований отнюдь не понуждают к радикальному отказу от исторически сложившейся их интерпретации и, тем более, от теоретического богатства востоковедения, каким бы «грехом» оно бы ни было отягощено от рождения.

Библиографический список

1. Wong R. Bin. *China Transformed: Historical Change and the Limits of European Experience*. — Ithaca, 2000.
2. Pomeranz K. *The Great Divergence*. — Princeton, 2001.
3. Голдстоун Д. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. — М., 2014.
4. Григорьева Т. П. Восток и Запад как путь мирового развития // *Вопросы философии*. — 2015. — № 6.
5. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм* : в 3 т. — М., 1986–1992.
6. Арриги Д. *Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени*. — М., 2007.
7. Маркс К. *Британское владычество в Индии* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М., 1957. — Т. 9.
8. Маркс К. *Будущие результаты британского владычества в Индии* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — М., 1957. — Т. 9.
9. *Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формах на Востоке (азиатский способ производства)*. — М., 1966.
10. Андерсон П. *Переходы от античности к феодализму*. — М., 2007.
11. Хобсбаум Э. *Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век*. — М., 2004.
12. Кагарлицкий Б. Ю. *От империй — к империализму*. — М., 2010.
13. Саид Э. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. — СПб., 2006.
14. Ломанов А. В. *Изучение зарубежного китаеведения в КНР: культурно-цивилизационные аспекты // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М. Л. Титаренко*. — М., 2009.
15. Мельянец В. А. *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность*. — М., 1996.
16. Мэддисон Э. *Контурсы мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории*. — М., 2015.